

ДИНАМИКА ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В ЮЖНОЙ АЗИИ

А. Баджпай¹

В статье рассматривается природа и динамика внутригосударственной конфликтности в южно-азиатском регионе, роль региональных и внешних акторов в конфликтных процессах. Наиболее важным из внутрирегиональных факторов, влияющих на динамику того или иного конфликта, является реакция на него Индии. К числу наиболее значимых внешних акторов относятся США и Китай. Автор исследует эти проблемы в контексте особенностей интеграции стран региона, присущих им экономических и социальных противоречий. Отмечаются фундаментальные различия между ними как в плане экономического развития, так и в устройстве политических систем. В то же время большинству стран Южной Азии присущи проблемы социальной депривации и глубокого неравенства, ставшие основой конфликтного потенциала. Значительное внимание уделяется специфике конфликтов в отдельных странах, связанной с различными комбинациями этнических, религиозных, политических и других факторов. В большинстве случаев возникающие конфликты имеют насильственный характер и протекают в форме вооруженной борьбы. Подвергаются критике попытки исследователей объяснить наличие этих конфликтов воздействием какого-либо одного фактора, что не позволяет отразить их многомерную сложность. В наиболее крупных конфликтах можно увидеть проявления национализма, религиозного фундаментализма, террористических угроз. Выделяется четыре основных переменных, определяющих динамику внутригосударственных конфликтов в странах Южной Азии: реальная или субъективная маргинализация определённых социальных групп; наложение идентичностей и государственных границ; действия государства в ответ на возникновение конфликта; связь с внешней средой, как внутри-, так и внерегиональной.

Ключевые слова: конфликт, Южная Азия, динамика, Китай, Индия, идентичность, маргинализация, терроризм.

Понятие «Южная Азия» как географическое целое зачастую оспаривается специалистами в качестве устоявшегося термина, однако в профессиональном сообществе никто не отрицает того, что у Южной Азии в мире сохраняется репутация одной из потенциально конфликтных зон, уникальность которой в том, что любые конфликты отличаются интенсивной региональной динамикой развития. Южно-азиатские внутри- и межгосударственные конфликты не взаимоисключают друг друга. Динамика этих двух черт южно-азиатских конфликтов подчёркивает их взаимосвязь и пересекаемость по

¹ Баджпай Арунодай – доцент, заведующий кафедрой политологии, колледж Агра, Британский университет д-ра Амбедкара, Агра (Индия). Эл. почта: arunodaybajpai@gmail.com.

многим параметрам. Внутригосударственные конфликты могут принимать форму межгосударственных из-за того, что динамичны в своём развитии и потенциально угрожают региональной стабильности. Конфликтологически отрицательный синергетический эффект взаимопроникающих внутригосударственных конфликтов в Южной Азии намного сильнее синергетического эффекта современных межгосударственных конфликтов в регионе, генерируемых и долговременно поддерживаемых религиозной пестротой и этнической чересполосицей, неравномерным политическим развитием и неравными экономиками.

Существуют ещё два элемента, ещё более осложняющих природу динамики южно-азиатских конфликтов. Первый из них — так называемый индийский фактор. Не по своей воле Индия представляет собой самого большого и наиболее развитого актора, расположенного в центре Южной Азии и в идеале служащего региональной стабилизирующей силой. К сожалению, реальность далека от идеальности. Прямо или косвенно Индия сама стала основным стейкхолдером основных внутригосударственных южно-азиатских конфликтов или считается таковой. Если Индия выбирает упреждающую роль в таких конфликтах, к ней начинают относиться как региональному троллю. Если же выбор Индии — в пользу неучастия в конфликте, то это отрицательно влияет на её главные национальные интересы или статус региональной державы. С этой дилеммой, которая неотъемлема от природы динамики любого южно-азиатского конфликта, индийские политики вынуждены считаться постоянно с момента обретения Индией независимости. Второй фактор — вовлечение в южно-азиатские конфликты внешних акторов, чьи интересы возникают в их политических конструктах в связи со стратегическим значением региона. Этим с успехом пользуются региональные акторы, уравновешивая индийское влияние на регион. К наиболее важным внешним акторам относятся Китай и США. Настоящая статья представляет собой попытку очертить наиболее характерные черты динамики внутригосударственных конфликтов в Южной Азии, что способствует углублению поддержки строительства регионального мира и стабильности.

Южная Азия: кризисы идентичности и роста

Географическая идентичность Южной Азии всегда подвергалась сомнению, в этом вопросе консенсус никогда не достигался. Ранее этот регион был известен как Индийский субконтинент, однако американские и британские политические мыслители преднамеренно предпочитали называть его Южной Азией, тем самым исключая из термина преимущественное региональное положение Индии. «Термин «Южная Азия» как преемственный «Индийскому субконтиненту» введён в обиход США и Британией в основном для приумножения естественного доминирования на субконтиненте Индии

и успокоения своего протеже Пакистана, т.е. для исключения его из всего, что может быть названо индийским» [Karila, 2002]. Тем не менее, в настоящее время термин «Южная Азия» в основном принят большинством. Схема субрегионов ООН включает все восемь членов Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (ЮААРС) вместе с Ираном как часть Южной Азии. Другая международная организация, Информационная сеть ООН по народонаселению, включает в регион другие восемь стран региона, а именно: Афганистан, Бангладеш, Бирму, Индию, Непал и Шри-Ланку (за исключением Мальдив) как относимые к Тихоокеанскому субрегиону. Комиссией ООН по Азии и Тихоокеанскому региону страны — основатели ЮААРС рассматривает как часть Южной Азии. Ведущие страно- и регионоведческие программы в различных университетах также не имеют консенсуса по вопросу о том, какие страны относимы к Южной Азии. Тем временем Центр южно-азиатских исследований Кембриджского университета распространил свои исследования на Индонезию и Малайзию, центры южно-азиатских исследований в Мичиганском и Вирджинском университетах включают в Южную Азию семь нынешних членов ЮААРС (кроме Мальдив) и Тибет. Настоящая статья ограничивает регион только членами ЮААРС.

Как и географическая, культурная идентичность региона страдает от мириад этнических, религиозных и языковых дроблений, поддерживавшихся в колониальный и пост-колониальный периоды и увековеченных к настоящему времени. У стран Южной Азии не только разный уровень экономического развития, но и экстремально противоположные политические системы. И это несмотря на то, что все страны региона имеют давние и богатые традиции обмена идеями и культурой. Проблема здесь — в основных акторах региона и внутри них. Как отмечает Нира Чандоке, «Южная Азия представляет из себя регион, отягощённый многочисленными проблемами: колоссальная социальная депривация и глубокое неравенство, с одной стороны, и хрупкие демократические традиции и стремление к авторитаризму — с другой. Проблема осложняется трениями между соседними государствами, религиозными и языковыми трениями внутри них. Это привело к образованию поляризованных или поляризованных до определённой степени гражданских обществ и репрессивных государств» [Chandoke, 2008]. Хотя страны в течение последних 25 лет пытаются укрепить экономическое сотрудничество через механизмы ЮААРС, прогресс еще далёк от того, что можно было бы сравнить с другими регионами мира: региональные акторы скорее смотрят в разные стороны, вместо того чтобы задуматься над тем, почему настолько слаба в Южной Азии региональная интеграция. Региональное сотрудничество с целью достижения регионального мира — мечта, построенная на песке. По этому поводу Питер Джонс отмечает: «Не выбейтесь из сил, рассматривая сегодняшнюю Южную Азию как регион, население которого имеет оправданные ожидания на мирные перемены. Более того, если кто-то примет пуристскую

точку зрения на термин «региональное безопасное сообщество» и включает в уравнение масштабные проблемы типа насилия на уровне государства или межгосударственное насилие, это уведёт его от решения проблем ещё дальше» [Jones, 2010]. Согласно докладу Мирового банка «Южная Азия: Рост и региональная интеграция», торговля внутри региона составляет менее 2% ВВП относительно 20% по Южной Азии; только 7% международных телефонных вызовов происходят внутри региона, что намного ниже 71% таких вызовов из Южной Азии (основные демографические и экономические показатели стран региона отражены в таблице). Южная Азия в рейтинге регионов мира стоит последней по насыщенности авто- и железными дорогами и мобильной связью в расчёте на душу населения [South Asia..., 2006].

Включение в 2007 г. в границы ЮААРС Афганистана серьёзно повлияло на динамику региональных конфликтов, и некоторые комментаторы рассматривают это как легитимацию военной интервенции США в Афганистан без санкции ООН во имя борьбы с мировым терроризмом. Как отмечает учёный Нинан Коши, «совершенно ясен мотив США включить Афганистан в ЮААРС. Это результат усердий включить охваченную войной страну в институциональные рамки так, чтобы они (т.е. существующий статус) предполагали бы легитимность» [Koshy, 2009]. Кроме того, поскольку эпицентр мирового терроризма и соответственно борьба с ним находятся в Афганистане, США втянули в эту борьбу и Пакистан, и Индию новейшей стратегией Аф-Пак, что связано с серьёзным подтекстом в изменении природы конфликта в Южной Азии. Пока индийские учреждения в Афганистане подвергались атакам террористов, талибы преуспели в укреплении своей сети в регионах Пакистана, пограничных с Афганистаном. Вазиристан и регионы, прилежащие к границе Афганистана с Пакистаном, стали за последние годы горячими точками южно-азиатского конфликта. За последние три года, в течение которых талибы преуспели в культивировании районов ограниченного применения оружия, силы НАТО применяли атаки дронов-беспилотников в тех регионах, где они не имели формального разрешения пакистанского правительства. Пакистан также проводил безуспешные военные операции против террористов в данных регионах, а резонанс этих событий ощутим в виде страха и тревоги в индийской части Кашмира.

Динамика конфликтов в Южной Азии ввиду их стратегического значения оказывает существенное влияние на развитие региональных событий. Если не принимать во внимание Африку, Южная Азия — наименее развитый регион мира. Из восьми его стран четыре — Афганистан, Бангладеш, Непал и Мальдивы — самые малоразвитые страны по параметрам ООН. Однако Мальдивы недавно, в декабре 2010 г., исключены из категории наименее развитых стран. В Южной Азии проживает 20% населения Земли, занимающие всего 2,4% территории суши, при этом 400 млн. чел. (25% населения Южной

Основные демографические и экономические индикаторы стран Южной Азии
в 2009-2010 гг.

Страна	Площадь, км ²	Население	Плотность населения, чел/км ²	ВВП (номиналь- ный), млн. дол. США	Доход на душу населения, дол. США
Бангладеш	147,570	162221000	1,099	100,002	551,0
Бутан	38,394	697000	18,0	1,269	1,832
Индия	3287240	1198003000	365,0	1,430,000	1,176
Мальдивы	298,0	396334	1,330	1,357	4,388
Непал	147,181	29331000	200,0	12,615	427,0
Пакистан	803,940	180808000	225,0	166,515	981,0
Шри-Ланка	65,610	20238000	309,0	41,323	2,068
Афганистан	647,500	33609937	52,0	14,044	486,0

Азии) живут за чертой бедности, на один доллар США в день), а это 43% от всего количества бедных на Земле. В той или иной степени межгосударственные и внутригосударственные конфликты посягают на региональную экономику [Iqbal, Sial, 2007]. Подготовленный ТПП ЮААРС отчёт сжато описывает экономическое отставание Южной Азии при её широчайших возможностях роста: «Несмотря на то, что Южная Азия осчастливлена тем, что 45% её населения составляет трудоспособная молодёжь и регион представляет собой крупнейший рынок мира и имеет ресурс устойчивого развития, он производит всего 1,5% ВВП и 1,2% мирового экспорта. Южно-Азиатский регион неважно выглядит на фоне такой маленькой азиатской страны, как Сингапур, 4,9 млн. населения которой только в 2009 г. экспортировали продукции на 268 млрд. дол. США, а Южная Азия в целом с её населением в 1,6 млрд. смогла в это же время экспортировать только 238 млрд. дол. США» [Round up of 16th SAARC Summit, 2010].

Конфликт в Южной Азии: стратегическое измерение

Несмотря на то, что лозунги «Азиатский подъём» или «Азиатская эпоха» не фигурируют в современных дебатах, Южная Азия с её стратегическим значением влияет на то, чтобы эти заголовки появились в такого рода обсуждениях, за что выступают Кишор Махбубани [Mahbubani, 2008] и другие, поскольку само стратегическое значение Южной Африки не менее важно, способствуя прямому или косвенному вмешательству извне в меж- и внутригосударственные конфликты. Во-первых, через Индийский и Тихий океаны и Аравийское море, окружающие регион соответственно с запада, юга и востока, пролегают основные торговые пути с Востока на Запад, и их безопасность зависит от стабильности в Южной Азии. Учащающееся пиратство в Аденском заливе привело к размещению американских, китайских и других морских сил с целью защиты

морских маршрутов. Во-вторых, Южная Азия с 2001 г. стала мировой горячей точкой борьбы с терроризмом, после того как США и НАТО глубоко завязли в нестабильной ситуации в Афганистане, и ситуация здесь далека от стабильной, по крайней мере в ближайшем будущем, что серьёзно влияет на региональную южно-азиатскую стабильность. Ещё в эпоху холодной войны этот регион был точкой противостояния супердержав из-за присутствия в Афганистане советских войск. В-третьих, поскольку Китай стал мировой державой и Индия вскоре последует его примеру, соревнование между этими двумя игроками за влияние в регионе принимает форму стратегического противостояния. Растущая вовлечённость Китая в южно-азиатские дела в течение последних пяти лет известно как стратегия конциркулярности в терминах Аруна Сагела. В соответствии с этой политикой Китай обеспечивает безопасность и защищает её инфраструктуру в южно-азиатских странах, окружающих Индию [Sahgel, 2006]. Вот только некоторые элементы китайской политики конциркулярности: китайская военная и ядерная помощь Пакистану, участие в строительстве порта Гвадар в Пакистане, удлинение Каракорумского шоссе с целью получить доступ к Индийскому океану через территорию Пакистана, индуцирование споров о статусе Кашмира, продажа оружия, получение доступа к портовым услугам в Бангладеш (Читтагонг) и Шри-Ланке (Хамбантота), молчаливое взаимопонимание с непальскими маоистами, стратегические связи с военной хунтой в Мьянме. Такая политика окружения Индии Китаем с помощью других южно-азиатских стран не только служит причиной беспокойства Индии, но и оказывает серьёзное воздействие на состояние мира и конфликтности во всём регионе. По мнению исследователя Билла Эммотта «эта политика, преследующая экономические интересы, в среде индийских стратегов звенит тревожным звонком и может послужить прекрасным новым источником трений между Индией и Китаем. Индийцы всегда сверхчувствительны к поддержке своего архиврага Пакистана китайцами, заключающейся в поставке обычного вооружения и технической помощи в ядерной области. Они видят в этом начавшиеся в 1962 г. усилия китайцев связать Индию региональными конфликтами» [Emmott, 2009]. Участие Индии и Китая в замороженных конфликтах Южной Азии, похоже, ведёт к двум последствиям. Во-первых, к превращению внутригосударственных конфликтов в конфликты большего, регионального масштаба, разрешение которых может ускользнуть в руки внерегиональных акторов. Во-вторых, из-за возрастающей сложности конфликтов возможно увековечение или возникновение межгосударственных конфликтов.

Динамика внутрорегиональных конфликтов в Южной Азии

Термин «динамика» в физике относится к анализу причин движения и изменений в движении движущегося объекта. Конфликт есть социальное явление, характеризующееся невозможностью достижения согласия между двумя

или более сторонами или группами. Конфликт может быть насильственным и ненасильственным. Тем не менее, в данном случае мы рассматриваем вооружённые внутригосударственные конфликты. Суба Чандран определяет внутригосударственный вооружённый конфликт как «вооружённый конфликт между двумя группами, в котором насилие осуществляют каждая или обе, одна из которых государство, и который приводит к человеческим и материальным потерям» [Chandran, 2011]. Это, безусловно, оставляет в стороне те ожесточённые конфликты, в которых государство не является одной из сторон, например, общественное насилие в Индии или этнические стычки между непальцами и мадхеси в Непале, которые носят региональный характер и оказывают влияние на мир в регионе. Ещё раз подчеркнем: конфликт считается процессом, в котором две стороны с различными интересами или точками зрения на протяжении длительного времени участвуют в решении собственных задач. Шив Хари и др. определяют конфликт как «ситуацию, в которой стороны не могут разрешить свои различия в рамках существующих институциональных механизмов» [Hari and et al. 2003]. Фактически же конфликт представляет собой циклический процесс, проходящий через следующие этапы: начало, развитие, кульминация и разрешение или сжатие до состояния постконфликтной фазы. Здесь идея динамичности конфликта становится релевантной тому, что делает возможным анализ причин и изменяющихся размеров конфликта. Динамика конфликта включает в себя весь циклический процесс конфликта и его взаимодействие с внутренним и внешним окружением.

Южно-Азиатский регион склонен к конфликтам. Все страны региона, за исключением Мальдив, прошли через пост-колониальный период развития. В настоящей статье мы остановимся только на основных конфликтах последнего десятилетия, оказавших влияние на региональную стабильность. Так, Пакистан продолжает быть прямым участником трёх основных конфликтов. Первый из них — подъём белуджских националистов, развязавших вооружённую борьбу за создание отдельного государства Белуджистан на территориях Пакистана, Ирана и Афганистана, населённых белуджами. Вторую категорию составляют конфликты, носящие этнический и религиозный характер: тройная борьба между синдами, центральным правительством и мухаджирами (мусульманами — мигрантами из Индии) в провинции Синд Пакистана, а также конфликт между шиитами и суннитами по всей территории страны. Шиитов, составляющих 15% всего населения, в Пакистане меньшинство. Соседний Иран, единственный режим с большинством шиитов, во время такого конфликта может вторгнуться в Пакистан. Недавние горячие точки — это места шиитско-суннитских столкновений, в основном в регионах расселения хайберских и куррамских племён.

Конфликты третьего типа, связанные с террористическими угрозами и исламским фундаментализмом, носят не только региональный или глобаль-

ный характер, но и представляют угрозу самому Пакистану как государству. Силы США и НАТО преследуют талибов-террористов, а последние перегруппировались и консолидировали свои силы в племенном поясе и некоторых районах северо-восточной границы Пакистана под знаменем Техрик-и-Талибан Пакистана. Приграничные регионы Пакистана и Афганистана — основные горячие точки и опорный пункт для террористических элементов, которые распространили свои глобальные и региональные сети на Индию и Бангладеш. Пока Афганистан продолжает быть разделённым по линиям этнических и племенных соперничеств, признаков политической стабильности не видно, Пакистан погружён в огненную пучину фундаментализма и террористического насилия с нежизнеспособной экономической системой и слабыми государственными институтами. Имеются также сигналы появления у афганского населения настроений противодействия силам НАТО. Части талибов снова перегруппировались и стали активны после ввода войск НАТО. Параг Ханна рассматривает и Афганистан, и Пакистан как племенные федерации со слабыми государственными институтами, «проклятых нелегальными потоками оружия, наркотиков и исламских боевиков. В обеих странах количество самоподрывов достигло таких размеров, что они стали пустым местом — уже никто, похоже, не спрашивает, зачем они» [Khanna, 2008].

Индия, самая большая страна региона, увеличивающая своё мировое влияние, измучена конфликтами, из которых наиболее значимы сепаратизм и терроризм в Кашмире и других регионах, мятежи на северо-востоке, наксалитское насилие в центральной и восточной территориях; у каждого из этих конфликтов есть региональная сеть и межгосударственное измерение. И если насилие в Кашмире и терроризм по всей стране поддерживаются и поощряются Пакистаном, а северо-восточные инсургенты уже давно имеют безопасные укрытия на территориях Мьянмы и Бангладеш, то наксалиты и индийские маоисты с благословения китайского правительства и компартии Китая завязали тесные контакты с непальскими маоистами. И хотя ни один из этих конфликтов не обладает потенциалом, угрожающим индийской государственности, они высасывают из Индии энергию, которая нужна ей для более быстрого роста и укрепления роли в мировых процессах. Относительно развитая в терминах индекса развития человеческого потенциала страна Шри-Ланка страдала от крупного и разрушительного этнического конфликта с тамилами с 1983 по 2009 г., но и даже после военной победы, когда Тигры освобождения Тамил Илама были уничтожены силами безопасности Шри-Ланки, не видно политического решения тамильской автономии. Из-за этнической связи с индийскими тамилами Индия также глубоко вовлечена в этот конфликт с момента убийства индийского лидера Раджива Ганди командой смертников Тигров освобождения Тамил Илама.

В последнее десятилетие исламские боевики и левые экстремисты поднимаются и в Бангладеш. Известные бангладешские исламские военизированные организации Харакат Джихад Аль-Ислами и Джамаат Уль-Муджахидин не только завязали тесные контакты с Аль-Каидой, но и нашли опору в Индии. Бедственное экономическое положение Бангладеш направило поток чакманских беженцев и беженцев других групп в северо-восточные части Индии, что привело к гражданским распрям в Ассаме и других индийских регионах. Чакманы-буддисты, в основном сконцентрированные в холмистых районах Читтагонга, требуют большей автономии, что встречает сопротивление правительства. По этой же причине и в силу недостатка развития и демократии Непал столкнулся с более чем десятилетней (1986-2006 гг.) маоистской партизанщиной и вооружённой борьбой. Несмотря на то, что маоисты присоединились к политическому мейнстриму страны в 2006 г., их воинствующие сторонники пока не реабилитированы, и Непал страдает болезнью раздробленного государственного устройства. Срастающим китайским влиянием на непальских маоистов индийская безопасность по части развития Непала под угрозой. Маленькая страна Бутан также страдает от этнического конфликта между друкпанами и непальцами, хотя и в управляемом масштабе.

На сегодняшний день фундаментальной проблемой остаётся способ анализа подлинной массы сложных конфликтов, существующих в Южной Азии. Лаксами Айер и Идяз Гани коренной причиной внутренних конфликтов в Южной Азии считают экономическое отставание или недостаток развития. На основе данных о конфликтах, взятых из различных источников, они пришли к выводу, что отстающие регионы склонны к конфликтам [Laxami, 2009]. Другой исследователь, Суба Чандран, доказывает, что внутригосударственные вооружённые конфликты в Южной Азии в основном основаны на субнационалистических идентичностях [Chandran, 2011], а Суббаш Капила утверждает, что основным препятствием в разрешении южно-азиатских конфликтов является внешнее вмешательство Китая и США, осуществляемое через Пакистан как деструктивную силу, отсутствие честных посредников и историческое и цивилизационное прошлое [Kapila, 2002]. По мнению Дугласа Аллена «современные политические баталии в Южной Азии принимают религиозную форму; одновременно с этим различные, зачастую доминантные позиции всё более и более политизируются» [Allen, 1992]. Однако такой однопричинный анализ южно-азиатских конфликтов сопряжён с трудностями и узостью, поскольку ему не удаётся ухватить многопричинную и многомерную сложность текущих конфликтов. В этом смысле терроризм представляет собой отдельный случай, поскольку корни его могут уходить в отсталый регион, но место действия — богатые урбанизированные регионы. Сложность борьбы с терроризмом проистекает из того, что места его происхождения и реализации фрагментированы, широко разбросаны и разнообразны и потому не являются окончательными союзками. Подобная проблема появляется и в классификации

конфликтов по этническим, религиозным, политическим или экономическим категориям, поскольку эти категории не исключительны. Альтернативой может послужить концентрирование не на содержании конфликта, а на процессе, на динамике конфликтов и комбинации многочисленных переменных. Динамика внутригосударственных конфликтов в Южной Азии состоит из четырёх наборов переменных.

1. Реальная или субъективная маргинализация группы, политическая, экономическая или социокультурная. Этот набор переменных играет критическую роль в происхождении следующих конфликтов: накалиты в Индии (экономическая маргинализация), тамильский конфликт в Шри-Ланке, общинный конфликт и волнения на северо-востоке Индии (все типы реальной или субъективной маргинализации).

2. Субъективная маргинализация за пределы данной идентичности — этнической, религиозной или консолидированной на основе исторического опыта или под влиянием главенствующих обстоятельств. В случае с Южной Азией интенсивное проявление таких идентичностей и их трансграничная протяжённость (исламская и тамильская идентичности) критично для формирования природы конфликтов. Дж. Н. Диксит замечает, что если политические границы в Южной Азии хорошо определены, то этнические, языковые и культурные идентичности народов нахлёстываются друг на друга и выходят за пределы государственных границ [Dixit, 2001]. По Шибашису Чаттерджи, этнические конфликты по преимуществу этнические или в значительной степени конфликты идентичностей, в которых конструкция угроз, врагов и друзей играет главную роль [Chatterjee, 2005].

3. Ответ государства на конфликт, который может быть военным, политическим или экономическим. По всей вероятности, эклектичный ответ наиболее подходящ для управления конфликтами (волнения на северо-востоке Индии).

4. Связь с внешней средой, которая может быть как внутри-, так и внерегиональной. Как уже говорилось, большинство конфликтов в Южной Азии имеют межгосударственные взаимосвязи, что обусловлено кросс-национальной природой идентичностей и региональным историческим опытом. Вмешательство Китая и США в Южной Азии стало критичным для всех конфликтов, связанных с терроризмом, например кашмирский спор или накализм. Внешние связи могут как благоприятствовать, так и не благоприятствовать конфликту. Например, после начала всемирной борьбы с террором в 2001 г. борьба тамилы встретилась с неблагоприятным региональным и международным ответом на неё, что привело к её развалу.

С учётом приведённого анализа южно-азиатских внутригосударственных конфликтов среди наиболее привлекающих внимание черт могут быть выделены следующие: многопричинная и многомерная природа конфликтов, их межгосударственные взаимосвязи, в которых Индия всегда придерживается

одной позиции; главенство маргинализации и идентичности в природе конфликта; терроризм, появляющийся в горячих точках Южной Азии с 2001 г., и действия Китая и США, обеспечивающие конфликтам внешние связи.

Библиографический список

1. Allen D. 1992. *Religion and Political Conflict in South Asia*. London: Greenwood Press.
2. Chandoke N. 2008. *Exploring the Right to Secession: South Asian Context* // South Asia Research. Vol. 28, № 2.
3. Chandran S. 2011. *Intra-state Armed Conflicts in South Asia: Impact for regional Security*. URL: <http://www.ifa.org.np/pdf/prc/subachandran.pdf>.
4. Chatterjee S. 2005. *Ethnic Conflict in South Asia: A Constructivist Reading* // South Asian Survey. Vol. 12, № 1.
5. Dixit J.N. 2001. *The Future of Security in South Asia* // South Asian Survey. Vol. 8, № 1.
6. Emmott B. 2009. *Rivals: How the Power Struggle between China, India and Japan will Shape our Next Decade*. London: Penguin Books.
7. Hari S. and et al. 2003. *Internal Conflict and Regional Security in South Asia: Approaches, Perspectives and Policies* // United Nations Institute for Disarmament Research. URL: http://www.researchcollective.org/Documents/Internal_Conflict_and_Regional_Security.pdf.
8. Iqbal K., Sial S. 2007. *Armed Conflict in South Asia: Overview and new Dimensions* // Regional Strategic Issues, Pak Institute for Peace Studies, Knowledge for Peace, South Asia Net. URL: <http://www.san-pips.com>.
9. Jones P. 2010. *South Asia: Is a Regional Security Community Possible?* // South Asian Survey. Vol. 15, № 2.
10. Kapila S. 2002. *South Asia Conflict Resolution Impediments: An Analysis* // South Asia Analysis Group. Paper № 553. URL: <http://www.southasiaanalysisgroup.org/papers6/paper 553.htm>
11. Khanna P. 2008. *The second World: How the Emerging Powers are Redefining Global Competition in 21st Century*. London: Penguin Books.
12. Koshy N. 2009. *South Asia: Peace and War in the Context of War on Terror* // Mainstream. Vol. 47, № 11. February, 28.
13. Laxami I. 2009. *The Bloody Millennium: Internal Conflicts in South Asia* // Working paper № 09-086 Harvard Business School.
14. Mahbubani K. 2008. *The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East*. New York: Public Affairs.
15. *Round up of 16th SAARC Summit. 30 Sep.* 2010. URL: <http://www.saarcchambers.org./index.php>.
16. Sahgel A. 2006. *Paper presented in the India-Japan-Taiwan Trilateral Meeting (15-16 March)*, United Services Institutions of India. New Delhi.
17. *South Asia: Growth and Regional Integration.* 2006 // Report № 37858-SAS, World Bank. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2007/02/07/000020439_20070207135607/Rendered/PDF/378580SAS.pdf

Статья поступила в редакцию 20.11.2013

DYNAMICS OF INTRA-STATE CONFLICTS IN SOUTH ASIA

A. Bajpai

Prof. Arunoday Bajpai, Agra College (Dr. BR Ambedkar University), Agra (India), Department of Political Science, Associate Professor and Head.

The article analyzes the nature and the dynamics of intra-state conflicts in Southern Asia, and the role of regional and external actors in the conflict processes. The most important of intra-regional factors influencing the dynamics of a conflict being the way Indian reacts on it. To the most important external factor U.S. and China belong. The author examines the problems in the context of peculiarities of integration of the regional countries with existing economic and social conflicts. Fundamental differences between them are emphasized both in economic development and in political system structure. At the same time, social deprivation and deep inequality problems are specific for the most Southern Asian countries which become the base of conflict potential. Key attention is paid to the specific conflicts in different countries connected with combination of ethnic, religious, political and other factors. In most cases the conflicts sprung have violent character and run as armed battles. The author criticizes the attempts of some researchers to explain the presence of such conflicts by influencing on them by a single factor, which does not allow for representing their multi-dimensional complexity. In the biggest conflicts, the manifestations of nationalism, religious fundamentalism and terroristic threats can be traced. Four basic variables are emphasized to determine intra-state conflict dynamics in the countries of Southern Asia like real or subjective marginalization of different social groups; identity and state border juxtapositions; state actions in response to a conflict uprising, interaction with external environment, both intra- and extra-regional.

Key words: conflict, Southern Asia, dynamics, China, India, identity, marginalization, terrorism.